

ЭЛДАРИУМ

Hanamishu Hanamishu

Элдариум: два берега одной души

<https://litres.ru/74274538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Власть редко делает людей чудовищами.

Гораздо чаще она лишь позволяет им стать теми, кем они были всегда.

Уже год Амантересс и Лорен живут в чужом для них мире, пытаясь смириться с жизнью, которая никогда не должна была стать их собственной. Вот только чем дольше они ищут дорогу назад, тем сильнее начинают бояться того, что может ждать их по ту сторону.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	37
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Нанамishu

Элдариум: два берега одной души

Пролог

Императорский дворец Дэ Раэм всегда казался Амантересс слишком большим.

Особенно в дни больших церемоний, когда дворец наполнялся чужими голосами, дорогими благовониями и тяжестью взглядов, от которых невозможно было скрыться.

Ночью дворец был залит светом так ярко, что издалека казался частью самого неба. Сотни золотых фонарей отражались в тёмной глади дворцовых озёр, скользили по лакированным деревянным мостам и чёрному нефриту колонн, уходящих высоко под своды главного зала. Лёгкий ветер шевелил длинные шёлковые полотна, свисавшие с открытых террас, приносил запах цветущих садов и едва уловимый дым благовоний, неизменно сопровождавший официальные церемонии императорского двора.

Столица праздновала с самого рассвета.

Даже со дворца были слышны музыка, шум уличных фестивалей и голоса людей, наполнявшие ночной город жиз-

нюю. Сегодня империя отмечала совершеннолетие принцессы — младшей дочери императорской семьи.

Двадцать лет.

Возраст, после которого наследники великих родов официально вступали во взрослую жизнь.

Амантересс стояла на открытой террасе, опираясь ладонями о холодный камень перил, и смотрела на огни столицы далеко внизу. Ночной воздух приятно охлаждал кожу, уставшую от тяжёлых украшений, многослойных церемониальных одежд и бесконечной подготовки к празднику.

Тёмная материя под её кожей сегодня вела себя необычно спокойно, словно сама понимала важность вечера. Её длинные тёмные волосы были собраны сложнее обычного; тонкие серебряные нити и украшения мягко поблёскивали в прядях каждый раз, когда она поворачивала голову.

Ей никогда не нравилось, сколько времени уходило на подобные церемонии.

Каждый шаг. Каждый поклон. Каждое движение головы. Всё должно было выглядеть идеально.

Слуги называли её прекрасной.

Придворные — достойной дочерью императора.

Народ — символом будущего Дэ Раэм.

Иногда Амантересс казалось, что люди давно перестали видеть в ней просто человека.

Вскоре за её спиной тихо раздались знакомые шаги.

— Ты снова исчезла без предупреждения. — голос был

слишком спокоен для подобного замечания, — Если ты упадёшь вниз сегодня, праздник точно запомнят надолго.

Амантересс даже не обернулась.

— Ты слишком спокойно говоришь о таких вещах, брат.

Кейрин остановился рядом, опираясь локтем о перила. Ветер слегка шевельнул длинные тёмные пряди, выбившиеся из сложной причёски, и Амантересс едва заметно улыбнулась.

— Я стояла здесь не так долго.

— Для придворных и пары минут достаточно, чтобы начать переживать.

Она тихо выдохнула, снова переводя взгляд на город.

— Сегодня слишком шумно.

Кейрин ненадолго замолчал, тоже посмотрев вниз, на огни столицы.

Даже сейчас он держался так, как его учили с детства: идеально ровная осанка, спокойный взгляд, ни одного лишнего движения. Настоящий будущий император Дэ Раэм.

Он всегда становился осторожнее во время больших церемоний.

Слишком много людей. Слишком много взглядов. Слишком много тех, кто чего-то ждёт.

Иногда Амантересс казалось, что Кейрин разучился по-настоящему расслабляться ещё несколько лет назад.

Но рядом с ней эта идеальная картина всегда немного трескалась.

Кейрин посмотрел на неё чуть внимательнее, чем обычно.

— Если исчезнешь сегодня, половина дворца поднимет тревогу.

— Только половина?

— Остальная уже привыкла.

— Ты не обязан всё время выглядеть так, будто сейчас идёшь на военный совет, — тихо сказала она.

— А ты не обязана стоять здесь с таким лицом, будто собираешься сбежать через сад.

Она отвела взгляд первой. Потому что он был прав. Не то чтобы Амантересс не любила подобные вечера. Она выросла среди церемоний, фестивалей и бесконечных дворцовых праздников. Но иногда всё это становилось слишком тяжёлым. Слишком громким. Слишком тесным.

Слишком много людей хотели видеть в ней не человека, а будущий символ империи.

— Я просто хотела немного тишины перед началом, — наконец произнесла она.

Кейрин ничего не ответил сразу.

Где-то далеко внизу шумела столица, а над дворцом медленно поднимались небесные фонари, выпущенные жителями города.

— Мама бы заставила тебя вернуться в зал ещё десять минут назад, — неожиданно сказал он.

Амантересс замерла лишь на секунду.

Воспоминание о матери всё ещё отзывалось внутри слиш-

ком болезненно, даже спустя годы.

— Мама бы сама сбежала со мной через кухню на фестиваль, — тихо ответила она.

И впервые за весь вечер Кейрин улыбнулся по-настоящему. Совсем слабо, но искренне.

Двери галереи открылись раньше, чем кто-то из них успел продолжить разговор.

— Его Императорское Величество ожидает наследников в главном зале.—Слуга почтительно склонил голову.

Музыка стала громче, стоило им вернуться внутрь дворца. Главный зал сиял золотом, чёрным нефритом и сотнями огней. Представители знатных родов, генералы, придворные маги, дипломаты и наследники великих семей заполняли пространство тихим шумом разговоров и шелестом дорогих тканей.

Когда двери в дальнем конце зала открылись, разговоры стихли почти мгновенно.

Император Кайэн вошёл спокойно, без спешки, словно ему не требовалось напоминать окружающим о собственной власти. За ним следовала часть старших советников и главнокомандующих, но внимание всё равно было приковано только к нему.

Высокий, с длинными тёмными волосами и тяжёлым взглядом человека, державшего на себе целую империю, он казался удивительно спокойным среди шума и света праздника. Даже болезнь ещё не смогла полностью скрыть ту силу,

которая ощущалась в каждом его движении.

Гости склонили головы.

Музыка стихла.

— Сегодня Дэ Раэм празднует совершеннолетие моей дочери, — ровно произнёс Кайэн. — Благодарю вас за то, что поделили этот день вместе с нашей семьёй.

После короткой паузы один из церемониймейстеров сделал шаг вперёд.

Двери вновь распахнулись.

— Её Высочество принцесса Амантересс Дэ Раэм. Его Высочество кронпринц Кейрин Дэ Раэм.

Амантересс вошла в зал рядом с братом, чувствуя на себе десятки взглядов. Она двигалась спокойно и ровно так, как её учили с детства: не слишком быстро, не слишком медленно, сохраняя безупречную осанку и спокойное выражение лица, несмотря на тяжесть украшений и удушающее внимание окружающих.

Поздравления начали звучать почти сразу после официальной части церемонии. Амантересс отвечала спокойно и сдержанно, как и подобало дочери императора, даже когда от шума голосов и чужих эмоций начинала уставать голова.

Сначала представители Дэ Раэм, затем делегации других империй.

Ла Мель, как и всегда, выделялись даже среди дворцовой роскоши. Светлые ткани, золото, украшения, напоминающие крылья, — они словно принесли с собой другой свет.

Наминэ подошла первой.

— Принцесса Амантересс, — Наминэ слегка склонила голову, — Дэ Раэм сегодня прекрасен как никогда. Поздравляю вас с совершеннолетием.

— Благодарю, Наминэ. Я рада, что вы смогли приехать.

Голос Амантересс звучал ровно, но рядом с Наминэ ей всегда становилось спокойнее.

Лорен стоял чуть позади отца, сохраняя привычную официальную дистанцию. Даже сейчас он выглядел менее дворцовым, чем остальные наследники. Более живым. Но держался всё так же безупречно, как требовали правила.

— Принцесса, — он слегка склонил голову, и только едва заметный взгляд выдал, что это обращение его забавляет, — надеюсь, сегодняшний вечер не оказался для вас слишком утомительным, просто, вы выглядите так, будто уже устали от собственного праздника, — негромко заметил он, когда остальные отвлеклись на разговор с Кейрином.

— Вечер только начался, а вы выглядите так, будто хотите оказаться где угодно, только не здесь. — отзеркалила его придирку принцесса.

— Что ж тут твоя правда, ну тогда желаю вам пережить его достойно.

Амантересс едва заметно качнула головой.

Если бы они были одни, разговор наверняка стал бы менее официальным. Но сейчас даже Лорен сохранял ту осторожность, которой требовал дворец.

Райн Ла прибыли позже остальных. Их появление будто охладило зал.

Император Райн Ла держался с безупречной вежливостью, за которой невозможно было разглядеть ни одной настоящей эмоции. Рядом с ним Аманда выглядела слишком хрупкой среди всей этой строгости — словно дорогая фарфоровая кукла, которую поставили не в то место.

Когда она подошла ближе, её лицо впервые за вечер стало чуть живее.

— Амантересс... ты сегодня прекрасна.

— Ты тоже, Аманда.

И это не было простой вежливостью.

Аманда всегда выглядела так, будто старалась быть идеальной ради кого-то другого. Адам остановился рядом с сестрой, сохраняя привычное спокойствие. Его взгляд задержался на Амантересс чуть дольше, чем того требовал этикет.

— Для Райн Ла честь присутствовать на этом вечере, — произнёс он ровно.

— Дэ Раэм благодарен за ваш визит.

Их разговор был коротким. Правильным и безупречно официальным.

Музыка вновь наполнила зал. Слуги разносили напитки, гости возвращались к разговорам, а напряжение церемонии постепенно начало растворяться в привычной дворцовой роскоши.

На мгновение Амантересс даже позволила себе поверить,

что вечер действительно пройдёт спокойно.

А потом тёмная материя под её кожей резко дрогнула. Настолько болезненно, что ей пришлось сжать пальцы под длинными рукавами праздничного одеяния.

Что-то было не так. Она медленно подняла взгляд. Музыка продолжала звучать. Люди разговаривали. Слуги двигались между гостями. Но ощущение тревоги уже расплзлось по залу, словно невидимый холод.

Один из фонарей над центральной частью дворца внезапно погас. Разговоры начали стихать. Второй фонарь дрогнул и тоже потух. Под полом раздался тяжёлый треск. Такой, от которого внутри всё похолодело. Музыка резко оборвалась и пол под ногами содрогнулся.

Кто-то вскрикнул. А в следующую секунду одна из мрачных галерей над залом обрушилась вниз с оглушительным грохотом.

Мир превратился в хаос.

Люди рванулись к выходам, сталкиваясь друг с другом, слуги падали на пол, пытаясь закрыть головы руками, а по дворцу уже прокатывались новые удары, от которых дрожали стены. Стекло разлеталось на тысячи осколков, сверху сыпались обломки камня, а где-то в дальней части дворца вспыхнул огонь. Крики полные ужаса эхом ударили под высокие своды.

Амантересс резко обернулась, пытаясь найти Кейрина среди дыма, пыли и бегущих людей.

Тёмная материя сорвалась с контроля почти мгновенно. Она чувствовала чужой страх слишком отчётливо. Слышала плач. Чьи-то молитвы и крики о помощи. Запах крови ударил в воздух раньше, чем она заметила людей на полу.

Где-то рядом рухнула колонна. Кто-то закричал от боли.

А затем она увидела Кейрина.

Всего на мгновение — среди хаоса, дыма и вспышек магии. Его лицо впервые за весь вечер выглядело не спокойным, а испуганным.

— Амантересс!

Она рванулась вперёд, но в этот момент дворец снова содрогнулся. Потолок над одной из сторон зала начал рушиться. Люди закричали ещё громче, а тьма вокруг неё вспыхнула так сильно, что воздух дрогнул.

Дворец снова содрогнулся.

Это происходило на самом деле. Их мир рушился прямо у неё на глазах. А затем всё утонуло во тьме.

Амантересс резко проснулась, судорожно хватая ртом воздух.

За окном шумел дождь. Не было ни огня, ни криков, ни рушащегося дворца. Только тесная комната общежития, тусклый свет токийских улиц и тяжёлое ощущение чужой крови, которое даже спустя год всё ещё не исчезло из её памяти.

Глава 1

Макото проснулась так резко, будто её вытолкнули из воды.

Несколько секунд она не двигалась. Просто сидела на кровати, сжимая пальцами край одеяла, и пыталась вспомнить, как дышать. В груди всё ещё стоял грохот рушащегося дворца, в ушах — крики, а перед глазами — золотой свет фонарей, падающий на мрамор, уже испачканный кровью.

Дождь стучал по окну.

Макото медленно повернула голову. Тусклый утренний свет просачивался сквозь шторы, ложился на столы, стопки учебников, развешанную у окна одежду и кружку с недопитым чаем, которую Эйвери вчера так и не убрала. На стене тихо тикали дешёвые часы, купленные ими в ближайшем магазине, а где-то за дверью уже слышались шаги других студентов. Макото лишь моргнула. Комната была слишком тесной для двух человек, но за последний год она почти привыкла к этому.

В Дэ Раэм у неё были залы размером больше всего этажа общежития.

Иногда воспоминания о прошлом казались настолько нереальными, что пугали её сильнее самих кошмаров.

Она осторожно села на кровати, стараясь не шуметь. Её пальцы всё ещё дрожали, упираясь в колени. Сердце всё ещё

билось слишком быстро. Под рукавом пижамы тёмная материя медленно шевелилась, болезненно отзываясь на остатки сна. Она не вырывалась наружу, не рвала кожу, не тянулась к чужим эмоциям, но Макото чувствовала её так отчётливо, будто та тоже проснулась вместе с ней.

Прошёл целый год. А она всё ещё возвращалась туда каждую ночь.

— Макото?

Голос Эйвери прозвучал сонно, но сразу настороженно.

Макото закрыла глаза на мгновение. Она не успела лечь обратно, не успела сделать вид, что просто проснулась раньше будильника, и это раздражало сильнее, чем должно было.

На соседней кровати зашевелилось одеяло. Эйвери приподнялась на локте, моргая от тусклого света. Её рыже-каштановые волосы, в полумраке почти бронзовые, спутались после сна и рассыпались по плечам. Зелёные глаза ещё были сонными, но взгляд уже стал внимательным.

Макото провела ладонью по лицу, стараясь стереть с кожи ощущение дыма, которого здесь не было.

— Прости. Я тебя разбудила.

— Я даже ничего не сказала.

Эйвери села на кровати, накинула на плечи одеяло и некоторое время просто смотрела на неё. Без давления, без той жадной тревоги, с которой люди обычно пытаются вытянуть чужую тайну наружу.

Именно поэтому Макото терпела её рядом.

— Ты опять не спала нормально?

Макото отвела взгляд к окну.

— Спала.

Эйвери молча смотрела на неё ещё несколько секунд.

— Ложь у тебя получается хуже, чем у Рена.

Макото слабо выдохнула через нос. Почти смешок.

— У него большой опыт.

— Это не делает ситуацию лучше.

Тишина ненадолго повисла между ними.

За стеной кто-то уже собирался на пары. Хлопнула дверь.

Послышались шаги в коридоре и приглушённые голоса. Мир людей просыпался шумно, быстро и совершенно безжалостно к тем, кто хотел ещё немного тишины.

Макото до сих пор не понимала, как люди здесь вообще выдерживают такой ритм жизни.

Эйвери помолчала, потом вздохнула и потянулась к телефону.

— У нас через сорок минут выход.

— Я знаю.

— Ты говоришь я знаю так, будто собираешься ещё полчаса сидеть и смотреть в стену.

Макото подняла на неё взгляд.

— А ты говоришь так, будто это не вполне достойный план.

— Для человека, который хочет снова получить замечание от профессора Такахаси, — вполне.

Эйвери выбралась из кровати и босыми ногами прошла к столу. Она была почти одного роста с Макото, но двигалась иначе — проще, свободнее, без привычной выверенности, которую Макото не смогла полностью вытравить из себя даже за год. Эйвери часто ходила по комнате, как будто это пространство действительно принадлежало ей. Макото же до сих пор иногда ловила себя на том, что старается не занимать лишнего места.

Комната была маленькой для двух человек, но за год они научились существовать в ней без постоянных столкновений. Полка Эйвери была заставлена медицинскими конспектами, баночками кремов, заколками и странными японскими сладостями, которые она покупала попробовать, а потом забывала. Полка Макото выглядела почти пустой: учебники, несколько тетрадей, аккуратно сложенная одежда и небольшой альбом для рисунков, который она прятала глубже остальных вещей.

Эйвери подошла к окну и раздвинула шторы шире. Серый Токио сразу стал виден целиком: мокрые крыши, провода, неоновые вывески, люди под зонтами, спешащие куда-то с самого утра.

Город никогда не останавливался. Даже дождь не мог его замедлить.

— Сегодня опять ливень, — пробормотала Эйвери. — Ненавижу сезон дождей.

Макото посмотрела в окно, ей нравился дождь. В дождли-

вые дни людей на улицах становилось чуть меньше, эмоции — тише, а город будто терял часть своего бесконечного шума. В такие моменты ей дышалось легче.

Макото поморщилась. Люди в этом мире были странными. Они могли впустить чужого человека в свою жизнь так легко, будто это ничего не стоило.

В Дэ Разм доверие было роскошью. Здесь — привычкой.

Пока Эйвери делала чай, Макото подошла к маленькому зеркалу возле шкафа. Она всё ещё иногда смотрела на своё отражение слишком долго. На неё смотрела девушка, которую в этом мире знали как Макото Сэйширо: чёрные волосы гораздо короче прежних, человечески округлые уши, спокойное лицо, глаза одного ровного оттенка, без той пугающей разницы, по которой в родном мире её узнавали ещё до имени.

Почти обычная.

Она поправила ворот домашней кофты, проверяя, не видны ли тёмные следы у ключиц. Тёмная материя никуда не исчезала, какой бы облик она ни принимала. Она могла изменить лицо, волосы, глаза, даже посадку голоса, если долго удерживала форму, но не могла вырезать из себя собственную кровь.

Иногда ей казалось, что даже настоящее имя постепенно начинает звучать чужим.

Не Амантересс. Макото Сэйширо. Эта мысль пугала её.
— Держи.

Эйвери протянула ей чашку. Макото осторожно взяла чай обеими руками. Тёплый пар мягко ударил в лицо.

— Спасибо.

— Ты выглядишь так, будто не ела минимум сутки.

— Я ела.

— Когда?

Макото задумалась.

Эйвери устало прикрыла глаза.

— Это был риторический вопрос.

Макото сделала маленький глоток чая.

Вкус всё ещё казался ей странным. Слишком ярким. Люди в этом мире вообще любили слишком яркие вкусы, слишком громкие цвета, слишком шумные города. Иногда ей казалось, что человеческий мир специально создан таким, чтобы не позволять людям оставаться наедине с собой.

В Дэ Раэм тишина была частью культуры. Здесь люди боялись её.

Возможно, судьба всё-таки обладала странным чувством юмора.

Эйвери усмехнулась и открыла дверь.

— Пойдём. Иначе Рен опять будет стоять у входа с видом человека, которого бросили на поле боя.

Макото взяла сумку и вышла следом.

Коридор общежития уже ожил. Кто-то спешил к лестнице с тостом в зубах, кто-то ругался у автомата с напитками, кто-то сонно проверял телефон прямо посреди прохода. Воздух

пах дешёвым кофе, влажной одеждой и утренней спешкой.

Для Макото это всё ещё было слишком.

Не так сильно, как в первые месяцы, когда любой крупный перекрёсток мог выбить её из равновесия. Но достаточно, чтобы она шла чуть ближе к стене и старалась не касаться людей плечами. Эйвери это заметила и молча сместилась так, чтобы идти с внешней стороны.

На улице дождь уже почти закончился, оставив на асфальте зеркальные лужи и холодный запах мокрого города. Токио просыпался без торжественности, без колоколов и церемоний. Просто включались светофоры, открывались кафе, люди стекались к станциям, а машины шуршали по влажным дорогам.

Этот мир не нуждался в магии, чтобы двигаться. Именно это в нём пугало.

— Макото!

Рен стоял у входа в университетский корпус под навесом, держа в одной руке стакан кофе, а в другой — зонт, которым явно ни разу не воспользовался. Его волосы были влажными, но уложенными так старательно, что Макото сразу поняла: он снова экспериментировал с человеческой модой.

Сегодня его причёска была чуть слишком объёмной.

Эйвери остановилась рядом с Макото и тихо сказала:

— Он опять что-то сделал с волосами.

— Не смотри слишком долго. Он решит, что получилось удачно.

Рен заметил их взгляды и нахмурился.

— Я всё вижу.

— Это тревожная новость, — спокойно ответила Макото.

— Я старался выглядеть прилично.

— Стараться — не всегда значит преуспеть.

Эйвери прыснула со смеху.

Рен посмотрел на неё с видом оскорблённого достоинства, но долго удерживать выражение лица не смог.

— Вы обе слишком жестоки утром.

— Ты сам спросил без слов, — сказала Эйвери.

— Я вообще молчал.

— У тебя лицо громкое.

Макото чуть отвернулась, скрывая слабую улыбку.

С Реном было проще.

Не потому что боль исчезала рядом с ним. Она не исчезала. Просто они оба знали её форму. Им не нужно было объяснять друг другу, почему некоторые звуки заставляли вздрагивать, почему вспышки света в ночном городе иногда напоминали магические разрывы, почему слово дом звучало как что-то слишком хрупкое.

Эйвери этого не знала. И, возможно, именно поэтому всё чаще оставалась рядом.

— Ты опять не спала, — сказал Рен уже тише, когда Эйвери отвлеклась на телефон.

Макото посмотрела на вход в корпус, после устало отвела взгляд. Рен всегда замечал её состояние быстрее остальных.

Потому что знал, как выглядит человек, которого медленно съедают воспоминания.

В этом мире люди постоянно требовали объяснений. Почему ты такая бледная?, Почему ты не любишь шум?, Почему вы с Реном говорите так, будто знаете друг друга лет сто? Рен никогда не спрашивал лишнего. Не потому что ему было всё равно, а потому что он уже знал ответы.

Эйвери подняла взгляд от телефона.

— У нас десять минут. Если вы собираетесь дальше переговариваться взглядами, делайте это на ходу.

— Мы не переговариваемся взглядами, — сказал Рен.

— Ещё как переговариваетесь.

Макото пошла к входу первой.

Внутри университета было тепло и шумно. Студенты толпились у расписания, кто-то смеялся возле автоматов, кто-то спорил о предстоящей контрольной. По коридорам пахло мокрыми зонтами, бумагой и кофе.

Обычный день. Обычная жизнь.

И всё же Макото каждый раз чувствовала себя так, будто вошла в чужую пьесу и никак не могла запомнить свою роль.

Первая пара проходила в большой аудитории на третьем этаже. Макото и Рен учились на одном факультете — международных отношений. Когда они выбирали направление, Рен сказал, что это поможет им понять устройство мира людей, их государства, союзы, войны и причины конфликтов. Макото тогда не стала спорить.

На самом деле они оба искали следы дома. В библиотеках, архивах, старых картах, мифах, религиозных текстах, легендах о других мирах. И не нашли ничего. Только похожие истории, пустые символы и человеческое желание объяснить невозможное.

Эйвери попрощалась с ними у лестницы.

— Увидимся после второй пары. У меня анатомия, так что если я выйду оттуда с лицом мертвеца, не задавайте вопросов.

— Ты изучаешь медицину добровольно, — заметила Макото.

— Да. В этом и трагедия.

Рен проводил её взглядом.

— Она странная.

— Ты говорил это о каждом человеке, который тебе понравился.

— Мне не понравилась анатомия.

— Я говорила об Эйвери.

Он сделал вид, что не услышал.

В аудитории было почти заполнено. Макото села ближе к окну, как всегда. Оттуда было легче дышать. Рен занял место рядом, положив сумку на пол и раскрыв ноутбук с той уверенностью человека, который давно сделал вид, что полностью понял технику.

На самом деле две недели назад он всё ещё пытался увеличить яркость экрана, нажимая на клавиши слишком осто-

рожно, будто ноутбук мог взорваться.

— Ты подготовил доклад? — спросила Макото.

— Конечно.

— Сам?

— Это оскорбительный вопрос.

— Рен.

Он выдержал паузу.

— Я попросил Кэнта объяснить мне, почему программа съела файл.

— Она не ест файлы.

— Ты не можешь этого доказать.

Макото посмотрела на него.

Рен спокойно отпил кофе.

— В человеческом мире слишком много вещей исчезает после одной неправильной кнопки. Это подозрительно.

Макото хотела ответить, но в аудиторию вошёл профессор Такахаси, и шум постепенно стих.

Лекция началась с темы международных конфликтов и роли ресурсов в политических решениях. Макото слушала внимательно, почти неподвижно, делая аккуратные записи.

Человеческий мир любил называть свои войны сложными. Слова были другими, но смысл оставался слишком знакомым.

На середине лекции профессор заговорил о том, как государства оправдывают насилие перед собственным народом. Макото почувствовала, как пальцы сами сжались на ручке.

Рен слегка повернул голову. Не посмотрел прямо. Просто заметил её состояние почти сразу. Он слегка подвинул к ней стакан с кофе, который купил по дороге.

Макото нахмурилась.

— Я не люблю кофе.

— Я знаю. Просто тебе нужно что-то держать в руках.

Она замерла на секунду. А потом всё-таки взяла стакан. Она медленно выдохнула и заставила себя написать следующую строку. Иногда её раздражало, насколько хорошо он её понимал.

Власть создаёт образ врага, чтобы оправдать контроль.

Чернила на бумаге чуть расплылись от давления.

Перед глазами на мгновение возник не университетский зал, а другой — огромный, сияющий, полный людей, которые ещё не знали, что через несколько минут начнут кричать.

Макото моргнула. Аудитория вернулась. Профессор продолжал говорить.

После пары студенты шумно потянулись в коридор. Рен закрыл ноутбук и встал, но Макото осталась сидеть ещё несколько секунд, глядя на собственные записи.

— Пойдём? — спросил он.

Макото просто кивнула и направилась в след за ним.

Библиотека университета стала одним из немногих мест, где Макото могла находиться почти спокойно. Там было тихо, пахло бумагой, пылью и старым деревом. Люди говорили

шёпотом, двигались медленнее, а чужие эмоции не обрушивались на неё такой плотной волной, как в метро или столовой.

Они с Реном часто приходили сюда между парами. Сначала — чтобы искать информацию о мире, который потеряли. Потом — просто чтобы не забыть, каково это, когда вокруг тихо.

Макото остановилась у полки с книгами по сравнительной мифологии. Рен прошёл чуть дальше, к разделу истории религий.

— Ты правда думаешь, что мы что-то найдём? — спросила она негромко.

Он не сразу ответил.

— Уже нет.

Честность прозвучала слишком спокойно. Макото коснулась корешка книги пальцами.

— Тогда зачем мы продолжаем искать?

Рен посмотрел на неё через ряд полок.

— Потому что если перестанем, придётся признать, что у нас нет пути домой.

Слова повисли между ними тяжелее, чем должны были. Макото отвела взгляд первой. Где-то за окнами дождь снова усилился.

— Я не хочу забыть, как он выглядел, — тихо сказала она.

— Дом?

Она кивнула.

Рен долго молчал.

— Я тоже.

На этот раз между ними не было шуток. Только тишина.

Когда они вышли из библиотеки, у лестницы уже ждала Эйвери. Она сидела на подоконнике, держа на коленях толстую медицинскую книгу, и выглядела так, будто последние полтора часа провела в битве не на жизнь, а на смерть.

— Если я ещё раз увижу изображение человеческих мышц, я уйду в монастырь, — сообщила она вместо приветствия.

— Ты сама выбрала медицину, — заметил Рен.

— Тогда я была моложе и глупее.

— Это было год назад.

— Именно.

Макото наблюдала за ними молча.

Эйвери рядом с Реном вела себя свободнее, чем с большинством людей. Не заигрывала, не пыталась понравиться — просто не напрягалась рядом с ним.

А Рен... Рен впервые за долгое время начал вести себя почти нормально рядом с кем-то из людей.

Это пугало Макото. Потому что привязанность делала потерю больнее.

— У вас следующая пара где? — спросила Эйвери.

— История дипломатии, — ответил Рен.

Эйвери состроила страдальческое лицо.

— Почему ваши предметы звучат так, будто вас готовят к

управлению государством?

Макото и Рен переглянулись. Слишком быстро. Слишком синхронно.

Эйвери замолчала.

Макото почувствовала неприятный холод под рёбрами. Они опять забылись. Это происходило всё чаще.

Эйвери медленно моргнула, потом отвела взгляд первой.

— Ладно, — тихо сказала она. — Я пошла на следующую пару. Увидимся в столовой?

— Да, — ответила Макото.

Эйвери кивнула и ушла вниз по лестнице.

Рен проводил её взглядом.

— Она начинает замечать.

Макото устало прикрыла глаза.

— Я знаю.

— Мы становимся неосторожными.

— Нет, — тихо сказала она. — Мы просто устали.

Рен ничего не ответил. Потому что это тоже было правдой.

К обеду дождь закончился окончательно.

Столовая университета оказалась переполненной — шумной, душной и наполненной запахами еды, от которых Макото уже начинало мутить. Люди разговаривали слишком громко, стучали подносами, двигались между столами, и вся эта человеческая суeta постепенно начинала давить на виски.

Рен заметил это ещё до того, как она сама поняла, на-

сколько напряжена.

— Сядем дальше от центра, — спокойно сказал он.

Макото только кивнула.

Эйвери уже ждала их возле дальнего окна, задумчиво помешивая лапшу палочками. Рядом лежали раскрытые конспекты с пометками и рисунками костей.

— Вы выглядите так, будто вернулись с допроса, — заметила она, когда они сели.

— Столовая — это и есть допрос, — тихо сказала Макото. Эйвери слегка улыбнулась.

— Ты никогда не привыкнешь к толпам, да?

Макото помолчала.

А потом неожиданно честно ответила:

— Наверное, нет.

Эйвери внимательно посмотрела на неё.

— Иногда мне кажется, что ты вообще не отсюда.

Но внутри Макото всё равно неприятно сжалось.

Рен спокойно взял палочки.

— Она просто плохо социализируется.

— А ты будто хорошо.

— Я стараюсь.

Макото едва заметно выдохнула. Слава богам за то, что Эйвери пока воспринимала их странности как особенности характера.

Она не видела, как Макото вздрагивает от громких звуков, как Рен автоматически оценивает все выходы из помеще-

ния и как они оба никогда не сидят спиной к двери. Люди редко замечают подобное, пока не начинают искать специально.

— Кстати, — Эйвери подняла взгляд от еды, — вечером у нас свободно, да?

— Зависит от количества домашнего задания, — ответил Рен.

— У меня соседка с четвёртого этажа дала флешку с фильмами. Можно устроить вечер кино.

Макото нахмурилась.

— Это опять ужасы?

— Почему ты всегда думаешь, что люди смотрят только ужасы?

— Потому что в прошлый раз вы добровольно включили фильм, где человек семь минут убегал от демона по коридору.

— Это был культовый фильм.

— Это был плохой жизненный выбор.

Эйвери неожиданно рассмеялась.

И Макото вдруг поймала себя на том, что уже не помнит, когда в последний раз слышала настолько обычный смех каждый день.

В Дэ Разм люди тоже смеялись. Но тише. Осторожнее. Будто всегда помнили о том, кто может услышать.

К вечеру общежитие постепенно затихло.

За окном снова моросил мелкий дождь, а комната Эйве-

ри и Макото освещалась только настольной лампой и экраном ноутбука. На полу лежали упаковки от дешёвых снеков, учебники были сдвинуты в сторону, а Эйвери сидела у стены, укутавшись в плед.

Рен устроился на полу рядом с кроватью Макото, скрестив ноги и глядя на экран с выражением человека, готовящегося к битве.

— Почему ты выглядишь так напряжённо? — спросила Эйвери.

— В прошлый раз главный герой умер через двадцать минут.

— Это был триллер.

— Это был плохой стратегический выбор персонажей.

Макото тихо наблюдала за ними. Она почти не смотрела фильмы в этом мире. Слишком странно было видеть истории, где люди проживали целые жизни за два часа. Но человеческое кино удивляло её другим.

Эмоциями.

Люди здесь умели показывать чувства так открыто, будто не боялись выглядеть слабыми. Фильм оказался обычной драмой про семью. Без монстров, войн и магии. Просто история людей. И именно это почему-то оказалось тяжелее.

Макото долго молчала, наблюдая за экраном.

Люди в фильме ссорились. Мирились. Говорили друг другу вещи, которые в Дэ Разм многие не произнесли бы даже перед смертью.

— Странно, — тихо сказала она в какой-то момент.

Эйвери повернула голову.

— Что именно?

Макото несколько секунд подбирала слова.

— Здесь люди говорят о любви так легко.

В комнате стало тише. Рен медленно перевёл взгляд с экрана на неё. Эйвери чуть нахмурилась.

— Разве у тебя в семье было иначе?

Макото замерла. Опасно. Но усталость делала её менее осторожной.

— В моей семье просто... реже говорили то, что чувствуют, — тихо ответила она.

Это не было ложью. Рен отвёл взгляд обратно к экрану. Потому что они оба помнили дворцы, в которых любовь чаще выражали долгом, чем словами. Помнили семьи, где люди были готовы умереть друг за друга — но не всегда умели говорить об этом вслух.

Фильм продолжался.

Эйвери постепенно начала засыпать, устроившись у стены с пледом, а Рен всё ещё смотрел в экран с удивительно серьёзным выражением лица.

— Ты слишком внимательно это анализируешь, — тихо сказала Макото.

— Я пытаюсь понять, почему главный герой не поговорил с братом раньше.

Макото опустила взгляд.

— Люди редко говорят вовремя.

Потому что они оба снова думали не о фильме.

Фильм закончился далеко за полночь.

Последние титры медленно ползли по экрану, пока за окном всё ещё моросил дождь. Комната погрузилась в мягкий полумрак — только свет ноутбука освещал лица и разбросанные вокруг вещи.

Эйвери уснула первой.

Она так и осталась сидеть у стены, завернувшись в плед почти полностью, с растрёпанными бронзовыми волосами и выключенным телефоном в руках. Во сне её лицо выглядело младше и спокойнее, без привычной живости и постоянной внимательности.

Макото смотрела на неё несколько секунд молча. Люди в этом мире умели спать спокойно. Эта мысль одновременно казалась ей красивой и болезненной.

Рен сидел на полу, опираясь спиной о край кровати. Ноутбук уже был закрыт, и теперь в комнате слышались только шум дождя и редкие звуки машин за окном.

Тишина между ними была привычной. Не неловкой. Просто тяжёлой.

— Она начинает привязываться к нам, — тихо сказал Рен, не поднимая взгляда.

Макото медленно отвела глаза от Эйвери.

— Я знаю.

— Это плохо.

— Я знаю.

Но голос прозвучал слишком тихо. Слишком неуверенно. Рен наконец посмотрел на неё.

В полумраке комнаты его лицо казалось старше, чем днём в университете. Спокойнее. Жёстче. Именно таким он становился, когда они оставались наедине и необходимость играть обычных студентов исчезала хотя бы ненадолго.

— Мы не можем остаться здесь навсегда, Макото.

Она ничего не ответила.

С самого начала они знали: Токио — не дом. Университет — не будущее. Эта жизнь — временная. Просто за прошедший год временность начала ощущаться слишком настоящей.

Макото опустила взгляд на свои руки. Под длинным рукавом снова медленно шевельнулась тьма, будто реагируя на её мысли.

— Иногда я ненавижу себя за то, что начинаю привыкать,
— тихо призналась она.

Рен долго молчал.

А потом негромко ответил:

— Это нормально.

— Нет.

Она подняла голову.

— Если я привыкну... если начну чувствовать себя здесь дома... значит, я оставлю Дэ Раэм позади.

Слова застряли где-то между болью и усталостью.

Рен отвёл взгляд первым.

За окном сверкнула далёкая молния, на мгновение осветив комнату холодным светом.

— Дом нельзя оставить позади, — наконец сказал он. — Особенно такой.

Макото медленно прикрыла глаза. Она хотела бы верить ему. Правда хотела.

Но с каждым месяцем воспоминания начинали стираться по краям: запах садов матери, музыка дворцовых фестивалей, голоса слуг, цвет неба над Дэ Раэм на рассвете.

Она всё чаще ловила себя на том, что боится забыть мелочи сильнее, чем большие трагедии. Потому что именно мелочи делали тот мир живым.

Рен поднялся первым.

— Уже поздно.

Макото кивнула.

Он осторожно забрал у спящей Эйвери телефон, положил его на стол и накинул плед ей на плечи чуть выше. Движение вышло удивительно аккуратным — почти семейным.

Макото молча наблюдала за этим.

Рен заметил её взгляд.

— Что?

— Ничего.

Но уголки её губ едва заметно дрогнули.

Он тихо выдохнул через нос — почти смешок — и направился к двери.

У самого выхода Рен вдруг остановился. Всего на секунду. Он медленно повернул голову к окну.

Тьма под кожей Макото дрогнула раньше, чем она успела понять почему.

Что-то было не так.

Дождь продолжал идти. Общежитие было тихим. Город за окном жил своей обычной ночной жизнью. Но внутри вдруг появилось то старое, почти забытое ощущение.

Ощущение надвигающейся беды.

Рен нахмурился.

— Ты почувствовала?

Макото медленно поднялась с кровати. Где-то глубоко внутри тьма беспокойно зашевелилась сильнее. Так она реагировала только на одно. На резкие колебания маны или магии.

В этом мире её не должно было существовать.

Глава 2

Рен не двигался ещё несколько секунд после того, как тьма под кожей Макото дрогнула во второй раз.

Комната оставалась прежней. За окном шумел дождь, ноутбук давно погас, Эйвери спала, свернувшись под пледом у стены, а на столе остывали недопитые кружки чая. Всё выглядело настолько обыденно, что ощущение чужой маны казалось почти безумной фантазией.

Но они оба почувствовали её.

Макото медленно поднялась с кровати. Она знала это чувство. Ощущение того, что рядом находится кто-то, кто не принадлежит этому миру. Словно среди тысяч голосов внезапно прозвучало слово на родном языке.

Рен продолжал смотреть в окно.

— Ты уверена?

Вопрос был странным. Они оба понимали, что уверенность здесь ничего не значит.

— Нет, — честно ответила Макото. — Но это не было похоже на ошибку.

Несколько секунд никто не говорил.

За окном проехала машина. Где-то вдалеке хлопнула дверь общежития. Дождь всё так же стучал по стеклу.

Обычная ночь.

Только внутри неё внезапно стало слишком тесно. За по-

следний год они привыкли к мысли, что остались одни. Они искали следы. Искали книги, легенды. Пытались найти хоть что-нибудь, что напоминало бы о их родном мире. Ничего. Абсолютно ничего. Словно их прошлого никогда не существовало. И теперь вдруг это странное чувство в груди, словно у них ещё есть надежда.

Макото медленно сжала пальцы.

— Если это действительно кто-то из нашего мира...

Она не закончила, но Рен всё равно понял её без слов. Если это правда и это не ошибка. Значит, они не единственные и граница миров всё ещё существует.

Макото резко оборвала собственные мысли. Она ненавидела надежду. Надежда всегда приходила первой. А потом за ней следовало разочарование.

— Нужно проверить территорию, — сказал Рен.

Макото кивнула. Она осторожно подняла руку. Тьма отозвалась почти сразу. В человеческом мире она всегда ощущалась иначе. Слабее. Будто ей приходилось постоянно сопротивляться самой природе этого места. Но она всё ещё была частью Макото.

Тёмная материя до этого блуждающая по ее телу медленно скользнула между её пальцев. Живая. Почти невесомая. Со стороны она напоминала сгусток чёрного дыма.

Рен невольно напрягся.

Макото заметила это боковым зрением. Он давно перестал бояться её. Но силу её рода — никогда.

Макото вытянула руку вперёд.

— Найди источник.

Энергия выпущенная наружу дрогнула. Словно прислушалась. А потом исчезла за дверью комнаты.

Они ждали. Секунда. Вторая. Третья. Макото сохраняла связь. Чувствовала движение материи по коридору. По лестнице. Через другой этаж. По переходу между корпусами. А потом связь резко оборвалась.

Она вздрогнула. Тьма вернулась обратно почти мгновенно. Без ответа.

Макото нахмурилась.

— Ничего.

Рен провёл рукой по волосам.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что если она что-то почувствовала, должна была найти след.

Макото опустила взгляд. На самом деле ответ был очевиден. И именно поэтому ей не нравился.

— Если это была не магия.

Рен замолчал.

— Тогда что?

Макото долго не отвечала. Потому что сама не знала. У неё была лишь одна догадка.

Поэтому тихо сказала:

— Душа.

Он нахмурился сильнее.

— Что?

— Не сила.

— Тогда что ты имеешь в виду?

Макото опустила руку.

— Помнишь древние трактаты ведьм?

Рен несколько секунд молчал.

— Очень смутно.

— Там говорилось, что душа хранит отпечаток мира, из которого произошла.

Он задумался.

— Ты думаешь...

— Я ничего не думаю.

Она перебила его слишком быстро. Слишком резко. Потому что снова чувствовала опасную близость надежды.

— Мы не знаем, что это было.

Рен смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом просто кивнул.

— Тогда проверим сами.

Ночной университет выглядел совершенно иначе.

Днём он был шумным и живым. Повсюду сновали студенты, работали автоматы с напитками, открывались аудитории, слышались голоса преподавателей.

Сейчас же здания напоминали огромные пустые декорации. Свет горел только в отдельных окнах. Редкие фонари отражались в мокром асфальте. Ветер качал деревья во внут-

реннем дворе. И всё вокруг казалось слишком тихим.

Они начали с общежития. Проверили лестницы. Кухни. Комнаты отдыха. Прачечную. Переходы между этажами.

Ничего.

Лишь несколько студентов, засидевшихся за учёбой, да пара сонных первокурсников, возвращавшихся откуда-то поздно ночью.

Макото постепенно начинала злиться. Не на ситуацию, а на себя. Потому что ощущение было реальным. Она знала это. Но доказать ничего не могла.

Когда они вышли во внутренний двор университета, дождь уже почти закончился. Воздух был прохладным и пах мокрой землёй.

Макото остановилась возле небольшой беседки и устало прислонилась к деревянной колонне. Рен сел на край скамейки. Некоторое время они просто молчали. Именно такие моменты она любила больше всего.

Тишина.

Без необходимости притворяться, чужих взглядов и бесконечной игры в обычных студентов. Только они двое и воспоминания, которые никто кроме них уже не разделял.

— Ты помнишь озеро? — неожиданно спросил Рен.

Макото подняла голову.

— Какое?

— Возле леса.

Она замерла. Конечно помнила. Озеро находилось неда-

леко от дворца. Там, где заканчивались ухоженные дорожки и начиналась настоящая природа. Там, куда её брат Кейрин часто сбегал верхом. Там, где они проводили слишком много времени в детстве.

На несколько секунд перед глазами вспыхнула картинка. Солнечный день. Ветер в длинных волосах. Шум воды и смех её брата.

Макото медленно закрыла глаза.

— Помню.

Рен смотрел куда-то в темноту двора.

— Я начинаю забывать.

Эти слова прозвучали тихо. Макото почувствовала неприятный холод внутри.

— Что именно?

— Мелочи.

Он ненадолго замолчал.

— Запахи, звуки, даже лица некоторых людей и музыку на фестивалях.

Она ничего не ответила.

Потому иногда ей казалось, что воспоминания начинают стираться по краям. Словно старые картины, оставленные под солнцем слишком долго.

Самое страшное было не забыть войну. Самое страшное было забыть счастье. Потому что тогда прошлое действительно исчезнет.

— Я рисую дворец почти каждую неделю.

Рен повернул голову.

— Знаю.

Макото удивлённо посмотрела на него. Он едва заметно усмехнулся.

— Думаешь, я не видел твои тетради?

Она закатила глаза.

Впервые за эту ночь. И на несколько секунд напряжение стало чуть легче.

Рен отвёл взгляд обратно к мокрым дорожкам.

— Иногда я боюсь, что если мы вернёмся...

Он запнулся.

Макото нахмурилась.

— Что?

— Что дома уже не осталось.

Макото ничего не ответила, лишь молча продолжила смотреть на ночные огни города, слишком не похожие на те что она наблюдала дома по ночам. Потому что это был страх, который они никогда не озвучивали. Именно поэтому он был таким тяжёлым. Потому что оба думали об этом каждый день.

Когда они вернулись в общежитие, небо уже начинало светлеть.

Тёмно-синяя ночь постепенно уступала место серому утру, а дождь закончился, оставив после себя только редкие капли, стекающие по подоконникам и карнизам. Коридоры стали чуть оживлённее — где-то хлопнула дверь, кто-то про-

шёл по лестнице, слышался приглушённый смех.

Мир просыпался. Они остановились возле двери комнаты. Рен выглядел таким уставшим. Только он всегда умел это скрывать.

— Тебе нужно поспать, — наконец сказал он.

— Тебе тоже.

— Я серьёзно.

Макото устало посмотрела на него.

— Я тоже.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Рен негромко усмехнулся.

— Хорошо. Тогда оба поспим.

— Хотя бы попытаемся.

— Уже прогресс.

На этом они разошлись.

Макото тихо открыла дверь комнаты. Эйвери всё ещё спала.

Плед почти полностью закрывал её фигуру, а волосы разметались по подушке. Со стороны она выглядела настолько спокойной, что Макото невольно задержала взгляд.

Люди действительно умеют спать спокойно.

Странная мысль.

Наверное потому, что большинство из них не просыпается по ночам от воспоминаний о разрушенном доме.

Макото осторожно легла на кровать и закрыла глаза. Она действительно собиралась уснуть. Но вместо сна пришли

воспоминания. Не о войне. Не о побеге. О матери.

Сад был залит солнечным светом. Весна только начиналась. Молодые листья ещё оставались совсем светлыми, а в воздухе стоял тонкий запах цветов.

Амантересс тогда было лет десять.

Она сидела прямо на земле рядом с матерью и крайне недовольно смотрела на свои испачканные руки.

— Почему цветы вообще нужно пересаживать?

Риёми тихо рассмеялась.

— Потому что они растут.

— Так пусть растут там, где росли.

— Если оставить всё как есть, им станет тесно.

Маленькая Амантересс нахмурилась ещё сильнее.

Риёми протянула руку и осторожно убрала прядь волос с её лица.

— Иногда для роста нужно новое место.

— Это несправедливо.

— Возможно.

— Тогда почему цветы не возмущаются?

— Может быть, потому что они мудрее нас.

Амантересс тогда фыркнула. Риёми рассмеялась уже открыто. Тёпло. Спокойно. Так, как умела только она. Амантересс никогда не могла вспомнить голос матери полностью.

Но этот смех помнила всегда.

Она резко открыла глаза. Комната общежития снова была перед ней. Серый потолок. Шкаф. Стол. Ровное дыхание

Эйвери.

Макото несколько секунд смотрела в одну точку.

Каждый раз было одинаково. Самые счастливые воспоминания причиняли больше боли, чем самые страшные. Потому что война забрала будущее. А такие моменты напоминали о прошлом. О том, чего уже никогда не вернуть.

Она перевернулась на бок и наконец позволила себе уснуть.

Проснулась Макото оттого, что кто-то громко хлопнул дверью в коридоре.

Она вздрогнула и резко села. Сон длился не больше часа. Общежитие уже окончательно проснулось.

За стеной кто-то спорил. На этаже работал фен. Слышались шаги, голоса и смех. Чей-то телефон звонил уже третий раз подряд. Макото медленно потёрла глаза. Каждый раз утро в общежитии напоминало маленькое стихийное бедствие. Во дворце никогда не было настолько шумно. Даже во время праздников. Даже во время фестивалей. Потому что дворец жил по строгому порядку.

А здесь... Здесь люди просто существовали. Как хотели. Когда хотели. И первое время это казалось ей абсолютно невозможным.

Эйвери уже стояла возле шкафа и пыталась одновременно расчёсывать волосы, искать тетрадь и пить чай.

Получалось плохо.

— Доброе утро.

— Не очень.

— Опять?

— Я не нашла конспект по анатомии.

Макото молча указала на стол. Эйвери посмотрела туда.

Конспект лежал прямо перед её глазами. Несколько секунд она молчала. Потом тяжело вздохнула.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Никогда не говори никому, что я врачом собираюсь стать.

— Почему?

— Потому что люди начнут переживать.

Макото всё-таки улыбнулась. Совсем немного.

И Эйвери сразу это заметила.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты выглядишь живой.

Макото покачала головой. Иногда Эйвери действительно умела разрядить атмосферу лучше любого другого человека. Не потому что специально старалась.

Просто потому что оставалась собой.

На первом этаже общежития было шумно. Студенты топились на пары. Кто-то бежал с кофе. Другой пытался застегнуть куртку на ходу. Или же доедал завтрак прямо возле выхода.

Макото по-прежнему удивлялась тому, сколько энергии

может быть у людей с самого утра. Они с Эйвери заняли очередь в небольшом кафе возле общежития. Пока ждали заказ, Эйвери рассказывала о будущей практике.

Точнее — жаловалась. Очень эмоционально.

— Я просто не понимаю, почему нас нельзя сначала научить всему, а потом отправлять к людям.

— Потому что так не работает обучение.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Я боюсь ошибиться.

Ответ прозвучал неожиданно серьёзно. Макото внимательно посмотрела на неё.

Эйвери отвела взгляд.

— Это ведь реальные люди.

— Ты не ошибёшься.

— Откуда такая уверенность?

Макото ненадолго задумалась.

— Потому что тебе не всё равно.

Эйвери несколько секунд молчала.

Потом улыбнулась.

— Иногда ты говоришь как какая-нибудь мудрая бабушка из старой легенды.

— Спасибо.

— Это был не комплимент.

— Поняла.

Впервые за всё утро обе рассмеялись. И на мгновение мир

снова стал немного проще.

К началу первой пары снова начался дождь.

Мелкий, почти незаметный, он окутал университет лёгкой серой дымкой. Из-за влажного воздуха стеклянные переходы между корпусами покрылись тонкими каплями, а внутренний двор выглядел так, словно кто-то специально приглушил все краски вокруг.

Макото всегда замечала подобные вещи. Не потому что была особенно наблюдательной. Просто за последний год она научилась искать красоту в мелочах. Иначе можно было сойти с ума.

Они с Эйвери вошли в главный корпус как раз перед началом занятий. В коридорах уже было многолюдно. Студенты стояли возле аудиторий, обсуждали домашние задания, жаловались на преподавателей и экзамены. Кто-то смеялся и спорил, другие повторял материал буквально на ходу. Для большинства это был обычный учебный день. Для Макото же всё это до сих пор иногда выглядело странно. В её мире дети знати тоже учились. Но иначе. Их учили истории государств, дипломатии, военному делу, управлению землями, традициям, законам и этикету. Каждый урок имел конкретную цель.

Здесь же люди могли выбирать собственный путь. Иногда ей это нравилось. Иногда казалось бессмысленным. А иногда вызывало зависть. Потому что никто из них не рождался с заранее определённой судьбой.

— Макото?

Она моргнула.

Эйвери вопросительно смотрела на неё.

— Ты опять задумалась.

— Немного.

— Не "немного". Ты уже минуту смотришь в одну точку.

Макото перевела взгляд на аудиторию.

— Прости.

— Всё нормально.

Эйвери вздохнула.

— Просто ты в последнее время какая-то ещё более потерянная.

Макото ничего не ответила. Потому что объяснить это было невозможно.

Как рассказать человеку, что иногда ты просыпаешься и не можешь вспомнить лицо собственной матери полностью? Что боишься забыть родной дом? Что каждую ночь тебе снится мир, которого больше нет рядом?

Нет. Такое нельзя объяснить. Поэтому она просто молча вошла в аудиторию.

Первая лекция оказалась посвящена государственному управлению.

Макото не особо интересовал сам предмет. Большая часть материала была ей знакома ещё до появления в этом мире. Но именно поэтому иногда становилось сложно.

Преподаватель рассказывал о разделении власти, пар-

ламентских системах и развитии современных государств. Студенты записывали. Некоторые откровенно скучали. Рен сидел через несколько рядов и выглядел так, будто уже мысленно находился где-то далеко отсюда.

Впрочем, он часто выглядел именно так.

— Итак, — преподаватель обвёл аудиторию взглядом. — Как вы считаете, почему абсолютная власть со временем становится неэффективной?

Несколько человек неуверенно подняли руки. Началось обсуждение. Кто-то говорил о коррупции и злоупотреблении властью. Кто-то просто повторял материал из учебника.

Макото слушала вполуха.

До тех пор, пока преподаватель неожиданно не посмотрел прямо на неё.

— Макото Сэйширо, ваше мнение?

Она подняла голову. Несколько секунд в аудитории стояла тишина. Макото даже не задумалась над ответом. Это была ошибка. Потому что она ответила так, как ответила бы дома.

— Абсолютная власть не всегда неэффективна.

По аудитории прошёл лёгкий шёпот. Преподаватель заинтересованно приподнял бровь.

— Продолжайте.

Макото нахмурилась. Теперь уже поздно было отступать.

— Всё зависит от правителя. Если государство слишком большое, один человек физически не способен контролировать все процессы. Поэтому ему приходится создавать струк-

туры управления. Советников, министров, военных руководителей, чиновников. В какой-то момент система начинает существовать отдельно от самого правителя. Тогда вопрос уже не в том, абсолютна власть или нет. Вопрос в том, насколько эффективно работает созданная структура.

Тишина стала ещё заметнее. Макото только сейчас поняла, что говорит слишком уверенно. Слишком подробно. Слишком... Правильно. Она выросла среди людей, которые действительно управляли государством. Для неё это никогда не было теорией. Это была часть её жизни.

Преподаватель несколько секунд внимательно смотрел на неё.

Потом медленно кивнул.

— Очень интересный ответ.

Макото сразу отвела взгляд. Где-то сбоку она заметила удивлённое выражение лица Эйвери. А ещё через несколько рядов — понимающий взгляд Рена. Именно такой взгляд появлялся у него каждый раз, когда она случайно забывала, что теперь живёт среди обычных людей.

После лекции Рен догнал её в коридоре.

— Осторожнее.

Макото вздохнула.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

— Рен...

— Ты опять говорила так, будто мы на лекции в академии.

— Потому что я...

Она замолчала.

Потому что возразить было нечего.

Рен только покачал головой.

— Хорошо, что никто не знает, кто ты такая на самом деле.

— Думаешь, это выглядело настолько странно?

— Для меня — нет.

Он ненадолго замолчал.

— Для остальных — возможно.

Макото нахмурилась. Это была проблема. Потому что чем дольше они жили здесь, тем чаще забывали что они не совсем обычными людьми и что в этом мире царят другие законы.

После лекций они встретились в столовой.

Обеденный зал был почти полностью заполнен студентами. Шум голосов сливался в единый фон, а запах еды смешивался с ароматом кофе и выпечки.

Макото по-прежнему не любила подобные места. Слишком много людей и эмоций.

Даже спустя год.

Рен сразу заметил изменения в её лице.

— Опять голова болит?

Она кивнула.

— Немного.

Эйвери поставила поднос рядом с ними.

— Я начинаю думать, что тебе нужно больше отдыхать.

— Возможно.

— Не возможно, а точно.

Макото устало улыбнулась.

— Вы оба сегодня решили меня воспитывать?

— Кто-то же должен.

Рен едва заметно усмехнулся.

— Я вообще удивлён, что она ест.

— Рен.

— Что?

— Ты сам вчера ужин пропустил.

— Это другое.

— Конечно.

Некоторое время они просто разговаривали об учёбе. О предстоящих экзаменах, практиках и преподавателях. Самые обычные студенческие разговоры. И именно в такие моменты Макото иногда ловила себя на странной мысли. Если бы не война. Если бы не тот день.

Могла бы она жить так же?

Сидеть с друзьями. Жаловаться на учёбу. Строить планы на будущее. Не думать о политике. Не думать о судьбе государства. Ответа она не знала. И, наверное, никогда уже не узнает.

В другом корпусе университета Вейрон как раз заканчивал свою последнюю пару. Ему все ещё было не привычно ходить на пары очно. Все-таки прошлый семестр он учился

на заочном из-за большого количества работы.

Он вышел из аудитории вместе с остальными студентами и устало потянулся. Сегодня ему снова предстояла ночная смена. А значит, нормально поспать получится в лучшем случае завтра.

— Ты вообще отдыхаешь когда-нибудь?

Вейрон обернулся.

Рядом шёл его одноклассник Кента.

— Иногда.

— Врёшь.

— Немного.

Кента фыркнул.

— Когда-нибудь ты просто отключишься посреди лекции.

— Тогда хотя бы выплыву.

Оба рассмеялись. Для Вейрона подобные разговоры были привычными. Именно поэтому он не заметил странного ощущения сразу. Лишь когда поток студентов вынес его в главный коридор, внутри снова что-то дрогнуло. Слабое. Почти неощутимое. Будто по коже пробежал холодок.

Вейрон остановился. Оглянулся.

И впервые увидел её достаточно близко.

Тёмные волосы. Спокойное лицо. Девушка разговаривала со своей подругой неподалёку. Ничего необычного. Совершенно обычная студентка.

Но почему-то взгляд задержался на ней чуть дольше необходимого. Словно память пыталась ухватиться за что-то дав-

но забытое. Вейрон нахмурился. Странное чувство исчезло так же быстро, как появилось. Он покачал головой и пошёл дальше.

А в другом конце коридора Макото внезапно замерла посреди разговора. Тьма под её кожей едва заметно дрогнула. На этот раз намного сильнее. Она медленно подняла голову. Толпа студентов двигалась вокруг непрерывным потоком. Но где-то среди них только что был источник того самого всплеска. Того самого ощущения. Которое они искали всю ночь. И впервые за год Макото была уверена.

Им не показалось.

Толпа продолжала двигаться по коридору, словно ничего не произошло. Студенты спешили на следующие пары, обсуждали задания, смеялись, жаловались на преподавателей. Для них это был самый обычный день. Для Макото же мир будто на секунду остановился. Она всё ещё смотрела туда, где несколько мгновений назад исчез высокий светловолосый парень. Ощущение постепенно затихало. Но не исчезало полностью. Впервые за целый год оно имело направление.

Рен заметил её реакцию сразу.

— Что случилось?

Макото медленно перевела взгляд на него.

— Это был он.

На секунду он даже не понял. Потом выражение его лица изменилось.

— Ты уверена?

— Да.

Рен резко оглянулся через плечо.

Толпа уже давно поглотила незнакомца. Остались только десятки незнакомых лиц.

— Ты запомнила его?

— Светло-волосый и высокий.

— Этого мало.

— Я знаю.

Несколько секунд они стояли молча.

Сердце Макото всё ещё билось быстрее обычного. Они действительно нашли источник.

Не след. Человека.

Рен первым нарушил тишину.

— Нужно узнать кто он.

— Осторожно.

— Разумеется осторожно.

Макото посмотрела на него с сомнением.

Рен тяжело вздохнул.

— Хорошо. Максимально осторожно.

— Это уже больше похоже на правду.

Они медленно двинулись дальше по коридору. Со стороны всё выглядело совершенно обычно. Но внутри оба были напряжены до предела. Потому что впервые за долгое время появился реальный шанс того, что они нашли то, что искали. И ни один из них не знал, к чему он приведёт.

После занятий Макото направилась в библиотеку. Это

давно стало привычкой. Почти ритуалом. Раз в несколько дней она приходила сюда с одной и той же целью. И каждый раз уходила ни с чем. Библиотека была одним из её любимых мест в университете. Здесь было тихо. Спокойно. Никто не смотрел на неё слишком долго. Никто не задавал лишних вопросов. Она выбрала привычный стол возле окна и открыла ноутбук.

Запросы не менялись уже несколько месяцев.

Мифология, параллельные миры, легенды о вратах и древние рукописи.

А самое главное реинкарнация.

Каждый раз поисковик выдавал одно и то же: Сказки, легенды, теории. Ничего полезного. Иногда ей казалось, что она занимается этим исключительно по привычке. Потому что перестать искать означало окончательно смириться. А смириться она пока не была готова.

Макото устало потерла глаза. За окном поднялся сильный ветер. Осень в Токио наступала медленно, но уверенно.

Она закрыла ноутбук. Сегодня сосредоточиться всё равно не получится. Мысли постоянно возвращались к тому парню. К светлым волосам. К знакомому ощущению. К невозможному совпадению.

— Ты опять здесь.

Макото подняла голову.

Эйвери стояла рядом с двумя стаканами кофе.

— Ты меня напугала.

— Это уже проблема, если библиотекарь двигается тише меня.

Макото невольно улыбнулась.

Эйвери поставила стакан рядом.

— Держи.

— Спасибо.

— Не благодари. Я просто не хочу, чтобы ты уснула лицом в книгу.

Они немного помолчали.

Эйвери смотрела в окно.

Макото грела ладони о бумажный стакан.

— Можно вопрос?

Макото сразу напряглась.

— Какой?

— Ты скучаешь по дому?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что она не сразу нашлась с ответом.

Эйвери смотрела спокойно. Без попытки что-то выяснить. Просто спрашивала как подруга.

Макото опустила взгляд на кофе.

— Да.

— Очень?

Она кивнула.

— Тогда почему никогда не рассказываешь о нём?

В груди неприятно кольнуло. Потому что рассказать правду было невозможно. А лгать Эйвери не хотелось.

— Наверное потому, что боюсь забыть что-нибудь важное.

Эйвери нахмурилась.

— Разве разговоры не помогают помнить?

Макото грустно улыбнулась.

— Иногда наоборот.

На этот раз Эйвери ничего не ответила.

Вечером, возвращаясь в общежитие, Макото снова увидела его. Всего на секунду. Во внутреннем дворе университета.

Светловолосый парень сидел на скамейке под навесом и что-то читал в телефоне, ожидая начала своей смены. Обычный студент. Ничем не примечательный. Если не считать того, что тьма под кожей Макото снова отреагировала. На этот раз сильнее.

Она остановилась. Всего на мгновение.

Рен, шедший рядом, перевел на неё взгляд.

— Он?

Макото едва заметно кивнула.

Рен проследил за её взглядом.

— Теперь хотя бы знаем, что он существует.

— И что дальше?

Рен задумался.

— Пока ничего.

Макото удивлённо посмотрела на него.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

Он перевёл взгляд на незнакомца.

— Если он связан с нашим миром, то никуда не денется.

Несколько секунд они молча наблюдали за ним.

Потом Рен отвернулся первым.

— Нам нужно больше информации.

— А если он исчезнет?

— Тогда будем искать снова.

Макото ещё раз посмотрела на парня. Тот даже не подозревал, что за ним сейчас наблюдают. И не подозревал, что впервые за целый год стал для кого-то символом надежды.

На этот раз они ушли первыми.

А Вейрон ещё долго сидел под навесом, не понимая, почему весь день его не покидает ощущение, будто за ним наблюдают. Будто он влез в передрагу о которой сам ещё не подозревает.

Глава 3

Осень в Токио всегда приходила незаметно.

Ещё неделю назад деревья возле университетского городка стояли ярко-зелёными, а теперь на дорожках всё чаще появлялись первые жёлтые листья. Ветер становился прохладнее, утренний воздух — свежее, а небо всё чаще затягивали серые облака, обещавшие дождь к вечеру. Город постепенно менялся, готовясь к новому времени года, но жизнь вокруг университета продолжала идти своим привычным чередом.

Будильник прозвенел в шесть утра.

Вейрон не пошевелился.

Он лежал на спине, уткнувшись взглядом в потолок, и ещё несколько секунд пытался убедить себя, что вставать совершенно необязательно. За окном только начинало светать. Сквозь неплотно задёрнутые шторы в комнату проникал холодный сероватый свет, который делал помещение ещё более сонным. На письменном столе громоздились учебники, тетради и несколько открытых конспектов. Среди них лежала чашка, которую он забыл убрать ещё вчера вечером, и стопка комиксов, обещавшая себе быть разобранной уже третью неделю подряд.

Телефон коротко завибрировал на тумбочке. Вейрон лениво потянулся за ним, едва не уронив устройство на пол, и только после этого открыл глаза окончательно. На экране

высветилось новое сообщение:

«Не забудь сегодня заехать домой».

Он невольно улыбнулся.

Его мать никогда не писала длинных сообщений. Иногда ему казалось, что она могла выразить любую мысль одной строчкой, а всё остальное человек должен был понять самостоятельно. За этими словами легко читалось продолжение.

«Я приготовила слишком много еды.»

«Отец опять купил твой любимый кофе.»

«Мы соскучились.»

Вейрон медленно сел на кровати и провёл рукой по волосам. Светлые пряди тут же упали обратно на глаза. За двадцать два года жизни он так и не привык вставать рано. Даже университет не смог исправить эту привычку.

Комната встретила его привычной тишиной. Сосед уже давно ушёл. Где-то в коридоре хлопнула дверь, послышались торопливые шаги студентов, а затем снова стало спокойно.

Поднявшись, Вейрон подошёл к окну.

С пятого этажа открывался вид на внутренний двор общежития. Несколько корпусов располагались полукругом, образуя небольшую площадь с лавочками и деревьями. Между зданиями уже сновали студенты. Кто-то спешил на утренние пары с чашкой кофе в руках, кто-то сонно брёл по дорожке, уткнувшись в телефон, а кто-то, наоборот, выглядел слишком бодрым для такого времени суток.

Вейрон всегда находил это немного забавным. Люди были

удивительно разными. И именно этим они ему нравились. Ему нравилось ощущать себя частью этого мира.

Когда-то давно подобная жизнь казалась ему скучной. Теперь же он был готов признать, что именно такой жизни ему всегда не хватало.

Через двадцать минут он уже пересекал двор университета.

Высокие здания факультетов постепенно наполнялись людьми. Возле главного корпуса собирались первокурсники, обсуждая предстоящие занятия. Несколько студентов торопливо перебегали дорогу перед автобусом. Из небольшого кафе напротив университета доносился запах свежей выпечки.

Вейрон замедлил шаг и посмотрел на вывеску, потом на часы, снова на вывеску. Борьба была короткой. Кофе победил.

Несколько минут спустя он уже сидел возле окна, держа в руках горячий бумажный стаканчик. Внутри кафе было тепло и уютно. Тихо играла музыка. За соседним столиком две девушки обсуждали предстоящий экзамен, а возле стойки кто-то пытался объяснить бариста слишком сложный заказ.

Вейрон сделал глоток кофе и устало прикрыл глаза. Вот ради таких моментов стоило вставать по утрам.

Когда он снова посмотрел в окно, поток людей на улице стал ещё плотнее. Среди прохожих мелькали студенческие рюкзаки, зонты и яркие куртки. Токио жил своей привычной жизнью, огромный и шумный, но при этом удивительно

уютный для тех, кто научился находить в нём своё место.

Он уже собирался подняться из-за стола, когда внезапно почувствовал странное беспокойство. Слабое и едва заметное. Будто кто-то внимательно смотрел ему в спину. Вейрон нахмурился и обернулся. За соседними столиками сидели обычные студенты. Никого знакомого. Ничего подозрительного.

Через несколько секунд чувство исчезло так же неожиданно, как появилось. Он пожал плечами. Наверное, просто усталость.

В это же время Макото сидела в аудитории и совершенно не слушала лекцию. За окном медленно качались ветви деревьев, а солнечные лучи скользили по стеклу соседнего корпуса. Перед ней лежала открытая тетрадь, но за последние десять минут на странице не появилось ни одной новой записи. Рен сидел рядом, опираясь локтем на стол, и делал вид, что внимательно слушает преподавателя.

На самом деле половина его внимания давно была занята совершенно другим.

— Ты опять задумалась.

Макото не оторвала взгляда от окна.

— Возможно.

— Это значит да.

— Это значит, что лекция скучная.

Рен едва заметно усмехнулся. Несколько секунд они молчали.

Преподаватель продолжал что-то рассказывать о международных экономических системах. Кто-то из студентов зевнул на последних рядах. За окном проехала машина технической службы университета. Именно тогда Макото снова почувствовала это. Слабый отклик, но теперь немного отчётливее.

Она резко выпрямилась. Рен сразу заметил перемену.

— Снова?

Макото медленно кивнула.

На этот раз ощущение длилось дольше. Будто кто-то находился совсем рядом. Гораздо ближе, чем раньше. И это её пугало. Потому что впервые за целый год поисков неизвестное переставало быть просто догадкой. Оно постепенно становилось реальным.

Лекция закончилась почти незаметно. Студенты начали подниматься со своих мест ещё до того, как преподаватель окончательно собрал свои бумаги. Аудитория наполнилась шумом голосов, скрипом стульев и шелестом тетрадей. Кто-то уже обсуждал следующую пару, кто-то торопился в столовую, а несколько человек возле окна горячо спорили о предстоящей практике.

Вейрон не спешил.

Он спокойно закрыл ноутбук, убрал конспект в сумку и только после этого поднялся. В отличие от большинства однокурсников, он никогда не любил бегать между занятиями. Возможно, потому что за годы жизни успел понять одну про-

стую вещь: мир не рухнет, если опоздать на пару минут.

— Ты опять идёшь работать после занятий?

Голос раздался рядом. Вейрон обернулся.

Высокий парень с тёмными волосами догнал его возле выхода из аудитории и поправил ремень сумки на плече.

— Акира, ты задаёшь этот вопрос каждую неделю.

— Потому что надеюсь услышать другой ответ.

— Тогда тебе придётся разочароваться.

Акира тяжело вздохнул.

— Ты вообще отдыхаешь когда-нибудь?

— Конечно.

— Когда?

— Когда сплю.

— Это не считается.

— Для меня считается, — закатив глаза ответил Вейрон.

Они вышли из корпуса вместе. Двери автоматически открылись, выпуская их во внутренний двор университета. Осенний ветер сразу ударил в лицо прохладой. Небо постепенно затягивалось облаками, и солнце уже не грело так сильно, как ещё несколько недель назад.

Вдоль дорожек стояли клёны. Некоторые листья уже начали менять цвет, окрашиваясь в золотистые и красноватые оттенки. Между деревьями тянулись аккуратные тропинки, по которым постоянно двигались студенты. Университет жил своей жизнью, напоминая небольшой город внутри огромного мегаполиса.

— Кстати, — Акира сунул руки в карманы, — ты идёшь на фестиваль через две недели?

Вейрон вопросительно поднял бровь.

— Какой именно?

— Не делай вид, что не знаешь. Осенний фестиваль.

— А.

— Очень информативный ответ.

Вейрон задумался. На самом деле он действительно заблуждался. Последние недели оказались слишком загруженными. Иногда ему казалось, что дни пролетают слишком быстро.

— Не знаю, — честно ответил он. — Посмотрим.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

— А потом всё равно приходишь.

— Потому что ты начинаешь доставать меня за неделю до начала.

Акира довольно улыбнулся.

— Значит, придёшь.

— Я этого не говорил.

— Но и не отрицал.

— Иногда я жалею, что познакомился с тобой.

— Не переживай. Я тоже тебя люблю.

Вейрон покачал головой, но уголки губ всё же дрогнули. Тем временем в другом корпусе Макото всё ещё не могла избавиться от неприятного ощущения.

После лекции они с Реном направились в столовую. Поток

студентов постепенно стекался туда со всех факультетов. В просторном зале стоял привычный гул разговоров, звон посуды и запах свежеприготовленной еды.

Они заняли столик у окна. Рен поставил поднос перед Макото и сел напротив.

— Ты опять ничего не выбрала.

Макото посмотрела на свой поднос. Он был почти пустым. Лишь чашка чая и небольшой сэндвич.

— Не хочется.

— Это уже начинает раздражать.

Она подняла на него взгляд.

— Что именно?

— То, что ты всегда пренебрегаешь своим состоянием, когда нервничаешь и заиклена на чем-то.

Макото вздохнула. Возможно, он был прав. Последние сутки мысли постоянно возвращались к тому странному ощущению. Оно не исчезало, с каждой минутой становясь всё более знакомым.

Будто она пыталась вспомнить человека, которого никогда раньше не встречала.

— Ты же понимаешь, что если продолжишь так себя накручивать, ничего не изменится?

— Я знаю.

— Нет, не знаешь, — сказал он как отрезал.

Рен отпил кофе и некоторое время молчал, наблюдая за людьми вокруг.

Несколько первокурсников за соседним столом что-то бурно обсуждали. Девушка возле окна смеялась над сообщением в телефоне. Кто-то спешил на следующую пару.

Обычная жизнь. Настолько обычная, что иногда казалась чужой и от этого становилось тошно.

— Нам нужно больше узнать о нём, — неожиданно сказал он.

Макото слегка нахмурилась.

— И что ты собираешься делать?

— Оставь это мне, а ты пока иди и отдохни, на тебе совсем лица нет.

Она ничего не ответила. Но впервые за утро почувствовала, как тревога немного отступает. Что не говори но у Рен был талант к тому что бы её успокаивать.

Смена в отеле началась в три часа дня.

Высокое современное здание находилось недалеко от центра города. Огромные стеклянные окна отражали серое осеннее небо, а внутри царила привычная суэта.

Вейрон быстро переоделся в рабочую форму и направился к стойке администратора.

— Ты снова вовремя.

Девушка за стойкой подняла голову от компьютера.

— Удивлена?

— Немного.

— Спасибо за доверие.

— Просто обычно ты приходишь за минуту до начала сме-

ны.

— Сегодня был рекорд.

— Целых десять минут заранее.

— Говорю же, рекорд.

Она рассмеялась.

Несмотря на постоянную занятость, Вейрон быстро находил общий язык с людьми. Не потому что специально старался понравиться. Просто ему нравилось помогать.

Именно поэтому работа в отеле никогда не казалась слишком тяжёлой.

Он помогал гостям с багажом, отвечал на вопросы, иногда сопровождал пожилых посетителей до номеров. Работа была простой, но позволяла наблюдать за людьми.

А наблюдать за людьми Вейрон любил. Каждый человек приносил с собой собственную историю. И иногда этого было достаточно, чтобы день перестал казаться обычным.

Ближе к вечеру одна пожилая женщина никак не могла разобраться с автоматом оплаты возле входа. Несколько человек прошли мимо, не обратив внимания.

Вейрон остановился и потратил всего на всего минут 5 своего времени и этого хватило что бы разобраться в её проблеме. Женщина благодарила его так искренне, будто он совершил что-то действительно важное. Когда она ушла, он ещё некоторое время смотрел ей вслед. А потом неожиданно вспомнил слова своего отца.

"Добрые поступки редко меняют мир. Но почти всегда ме-

няют чей-то день."

Вейрон никогда не признавался, но эта фраза ему нравилась.

Когда он подошёл к дому, в окнах уже горел тёплый жёлтый свет. На улице постепенно темнело, и мелкий осенний дождь превращал асфальт в зеркальную поверхность, в которой отражались фонари и огни проезжающих машин. Вейрон задержался у калитки всего на несколько секунд, привычно поправляя ремень сумки на плече. За эти годы дорога сюда стала настолько знакомой, что он мог бы пройти её с закрытыми глазами.

Не успел он достать ключи, как входная дверь открылась сама.

— Я знала, что ты всё же заглянешь к нам сегодня.

Мать стояла на пороге, вытирая руки кухонным полотенцем. Её волосы были небрежно собраны наверх, а на щеке остался след от муки. Судя по запаху, который тут же вырвался из дома вместе с тёплым воздухом, последние пару часов она провела на кухне.

Вейрон устало улыбнулся.

— Ты говоришь это каждый раз.

— Потому что каждый раз оказываюсь права.

Она отошла в сторону, позволяя ему войти.

В доме было тепло. Намного теплее, чем в общежитии. Здесь пахло едой, свежесваренным чаем и чем-то ещё неуловимо домашним, что невозможно было описать слова-

ми.

Отец сидел за столом в гостиной с планшетом в руках. Услышав шаги, он поднял голову и кивнул сыну.

— Ты выглядишь уставшим, — отец глянул на него с небольшим беспокойством, — Я уже говорил, что такая загроуженность до добра не доведет.

— Спасибо за поддержку, — Вейрон слегка усмехнулся, — Но не стоит переживать пап, мне нравится то чем я занимаюсь, к тому же это приносить мне средства на моё существование и любимый кофе.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Отец фыркнул и вернулся к чтению, а мать тем временем уже усаживала Вейрона за стол так, словно он отсутствовал не неделю, а несколько месяцев.

На ужин оказалось приготовлено еды столько, что ею действительно можно было накормить небольшую армию. Вейрон посмотрел на стол, потом на мать, потом снова на стол.

— Нас трое.

— И что?

— Ты приготовила на десятерых.

— А вдруг ты голодный?

— Я студент, конечно я голодный.

Мать победно улыбнулась так, словно только что выиграла спор.

Некоторое время они ели молча. За окном тихо барабанил

дождь. Где-то в соседней комнате работал телевизор, который никто не смотрел. Отец периодически откладывал планшет и задавал вопросы про учёбу, а мать каждый раз пыталась выяснить, нормально ли он спит и достаточно ли ест.

Обычные разговоры. И именно в такие моменты Вейрон особенно остро понимал что не променяет этих людей ни на что. Он любит этот дом и любит эту семью. Настолько сильно, что даже мысль о её потере вызывала внутри неприятную тяжесть.

Когда-то давно он уже потерял один дом. Второй раз переживать это ему совершенно не хотелось.

После ужина время потекло медленнее.

Мать убирала посуду, периодически отвлекаясь на какие-то бытовые мелочи, отец снова вернулся к планшету, а Вейрон устроился на диване в гостиной, вытянув ноги и наконец позволив себе расслабиться. За окнами всё ещё шёл дождь. Капли тихо стучали по карнизу и стеклу, создавая тот особенный фоновый шум, который почему-то всегда помогал думать.

Телевизор работал где-то на заднем плане. Никто его не смотрел. Он просто создавал ощущение присутствия жизни в доме.

Вейрон опустил взгляд на кружку с чаем в своих руках. От напитка поднимался лёгкий пар. Тёплый свет лампы ложился на стены гостиной, на книжные полки, на семейные фотографии, стоявшие возле телевизора.

Иногда ему казалось, что именно такие вечера запоминаются сильнее всего. Обычные вечера, когда все дома. Когда никто никуда не спешит. Когда можно просто сидеть в тишине и знать, что рядом есть люди, которым не всё равно.

— О чём задумался, сынок?

Голос матери вырвал его из размышлений.

Она остановилась возле дивана, держа в руках полотенце, и внимательно посмотрела на сына.

Вейрон поднял голову.

— Просто думал, насколько вы мне дороги, — он внимательно смотрел на свою маму, — правда, может я и не очень часто это говорю, но мам, я действительно за все вам благодарен.

Слова будто сами лились из него, искренне, без единого притворства.

— Ох сынок... Эти слова много значат для нас с папой, — женщина немного растерялась, — Мы тоже тебя очень сильно любим.

Вейрон улыбнулся ей. Он тихо встал и подошел обнять мать. Та была на полторы головы ниже него, и от того казалась столь хрупкой. Но её тепла хватало на всю их семью.

Они простояли так не больше минуты, но ему этого было достаточно.

— Спокойной ночи мам.

— Сладких снов, сынок, — сказала женщина нежно и пошла к себе.

Он проводил её взглядом. Всё же он по сей день удивлялся как в таком маленьком теле могло вместиться столько любви и заботы. Но он был вовсе не против.

С этими мыслями он направился к выходу из дома, ведь ему нужно было вернуться в общежитие.

В общежитие Вейрон вернулся уже ночью.

Дождь к этому времени почти закончился. На мокром асфальте отражались огни фонарей, а прохладный ветер гнал по дорожкам редкие листья. Университетский городок выглядел совсем иначе ночью. Большинство окон уже погасло. Лишь в некоторых комнатах ещё горел свет. Где-то студенты готовились к экзаменам, смотрели фильмы и просто разговаривали перед сном.

Подходя к своему корпусу, Вейрон машинально поднял голову. На четвёртом этаже в одном из окон кто-то размахивал руками так активно, будто пытался выиграть спор всей своей жизнью.

Он невольно усмехнулся. Некоторые вещи были одинаковыми в любом возрасте.

Возле входа сидела небольшая компания студентов. Кто-то играл на гитаре, остальные негромко подпевали. Музыка разносилась по двору мягкими обрывками мелодии.

Вейрон задержался на несколько секунд, слушая. Ему нравились такие моменты.

Наверное, именно поэтому он никогда не чувствовал себя чужим в этом мире.

Станным — иногда.

Не таким, как остальные — возможно.

Но чужим — никогда.

Поднявшись на свой этаж, он уже собирался достать ключ-карту, когда вновь почувствовал то странное ощущение. На этот раз сильнее. Словно кто-то коснулся невидимой струны где-то глубоко внутри. Вейрон остановился. Коридор был пуст. Под потолком ровно гудели лампы. Из одной комнаты доносился смех. Из другой — музыка. Обычный вечер в общежитии. И всё же ощущение не исчезало. Оно заставило его насторожиться.

Нахмурившись, Вейрон медленно огляделся по сторонам. Ничего.

Лишь несколько закрытых дверей и длинный коридор, уходящий в обе стороны. Через несколько секунд чувство начало ослабевать. А затем исчезло полностью.

Будто его никогда и не было.

— Переутомился, — тихо пробормотал он себе под нос.

Другого объяснения всё равно не находилось.

В это же время несколькими корпусами дальше Макото стояла возле окна общей зоны общежития. Она сама не заметила, как оказалась здесь.

Эйвери давно ушла в душ, Рен ещё не отвечал на сообщения, а сидеть над конспектами больше не получалось.

Дождь закончился. На мокрых дорожках блестели отражения фонарей. Студенты постепенно расходились по ком-

натам. Где-то во дворе всё ещё звучала гитара.

Макото смотрела на это молча.

Она уже почти начала убеждать себя, что всё происходящее — ошибка. Что странное ощущение, которое они с Реном чувствуют последние дни, всего лишь совпадение.

Но именно в этот момент по её телу прошла знакомая волна. Гораздо сильнее предыдущих. Она резко выпрямилась. Её сердце забилось быстрее. Будто на мгновение между двумя мирами появилась едва заметная трещина. Макото крепче сжала подоконник. Теперь она была уверена, что не ошиблась.

Кто бы ни был источником этого чувства, он находился совсем рядом.

А где-то в соседнем корпусе Вейрон уже открывал дверь своей комнаты, даже не подозревая, что впервые за многие годы его прошлое начало медленно догонять его.

Утро встретило университет привычной суетой.

Небо ещё оставалось серым после вчерашнего дождя, но воздух был удивительно свежим. Влажные дорожки отражали свет фонарей, которые ещё не успели выключить, а на клумбах возле корпусов поблёскивали капли воды. Студенты постепенно заполняли территорию кампуса. Кто-то торопился на первые пары с чашкой кофе в руках, кто-то сонно брёл между зданиями, на ходу проверяя расписание в телефоне, а кто-то уже сидел на лавочках в компании друзей.

Макото почти не спала.

Ночь прошла беспокойно. Она несколько раз просыпалась без видимой причины и долго лежала, глядя в потолок. Сны не возвращались, но ощущение чужого присутствия никуда не исчезло. Напротив, теперь оно поселилось где-то глубоко внутри и не давало покоя.

Утром Эйвери почти сразу заметила её состояние.

— Если ты сейчас скажешь, что всё хорошо, я обижусь.

Они медленно шли по дорожке к главному корпусу. В руках у Эйвери была папка с конспектами, которую она придерживала локтем, одновременно пытаясь поправить сползающий с плеча ремень сумки. Несколько прядей её бронзово-рыжих волос выбились из хвоста и теперь постоянно лезли в глаза.

Макото перевела на неё взгляд.

— Всё хорошо.

Эйвери тяжело вздохнула.

— Вот поэтому я и сказала, что обижусь.

На секунду между ними повисла тишина.

Впереди показался главный корпус университета. Высокое современное здание из стекла и светлого бетона уже гудело от голосов студентов. Возле входа кто-то раздавал листовки, несколько первокурсников фотографировались на фоне университетского герба, а группа старшекурсников спорила о каком-то проекте.

Эйвери внимательно посмотрела на подругу.

— У тебя что-то случилось?

Вопрос прозвучал осторожно.

Макото сразу насторожилась.

Эйвери никогда не спрашивала напрямую. Она чувствовала границы и редко пыталась их нарушить. Но иногда её любопытство всё же брало верх.

Макото отвела взгляд.

— В каком-то смысле.

Ответ был честным. Настолько честным, насколько она могла себе позволить.

Эйвери некоторое время молчала, а потом просто кивнула.

— Если когда-нибудь захочешь рассказать, я выслушаю.

Именно поэтому Макото чувствовала себя виноватой каждый раз, когда приходилось что-то скрывать.

В это же время Вейрон выходил из корпуса старших курсов, на ходу застёгивая куртку. Сегодня он снова проспал лишние пятнадцать минут и теперь пытался наверстать потерянное время быстрым шагом.

В одной руке он держал стакан кофе. В другой — телефон.

— Нет, мама, я поел.

Он спустился по лестнице и направился через двор.

— Да, нормальную еду.

Пауза.

— Нет, кофе не считается завтраком.

Ещё одна пауза.

На этот раз длиннее.

— Я знаю, что ты сейчас улыбаешься.

Несколько проходивших мимо студентов обернулись на него с лёгким интересом.

Вейрон только закатил глаза.

— Всё, мне пора на занятия.

Он наконец убрал телефон в карман и сделал глубокий вдох. Иногда ему казалось, что мать способна разговаривать бесконечно. Впрочем, он не возражал. За годы жизни он привык к её заботе настолько, что уже не представлял без неё своих будней.

Проходя через центральный двор, Вейрон машинально поднял взгляд. И в этот момент почувствовал это снова. Ощущение возникло неожиданно. Насколько резко, что он даже остановился.

Толпа студентов продолжала двигаться вокруг него. Кто-то проходил мимо, кто-то смеялся, кто-то спешил на занятия. Но среди десятков людей вдруг появилось чувство, будто кто-то смотрит прямо на него.

Вейрон нахмурился.

Внутри появилось необъяснимое напряжение. Он медленно обернулся. И почти сразу увидел двух человек возле входа в соседний корпус. Девушку с длинными тёмными волосами и парня, стоявшего рядом с ней. Расстояние было слишком большим. Лица различить не получалось. Да и смотрели они вовсе не на него. По крайней мере так показалось. Через се-

кунду поток людей перекрыл обзор.

Ощущение исчезло.

Вейрон ещё несколько секунд стоял на месте. Потом покачал головой и продолжил путь.

На другом конце двора Рен медленно выдохнул.

— Снова?

Макото не сразу ответила. Она всё ещё смотрела туда, где только что стоял светловолосый парень.

Теперь его уже не было видно среди людей.

— Да.

Рен нахмурился.

Это был тот самый человек. Оставался только один вопрос. Кто он такой.

Вокруг продолжал жить своей жизнью университет. Студенты спешили на занятия, преподаватели пересекали двор с папками под мышкой, где-то неподалёку звучала музыка из открытого окна студенческого клуба.

Никто из них не замечал ничего необычного.

Вечер опустился на университетский городок постепенно. После дождя воздух стал прохладнее, а дорожки между корпусами блестели в свете фонарей. Где-то вдалеке ещё слышались голоса студентов, возвращавшихся с занятий или подработок, но большая часть кампуса уже начинала успокаиваться. За окнами общежитий загорались тёплые жёлтые огни, превращая одинаковые здания в сотни маленьких историй, происходящих одновременно.

Макото сидела на подоконнике в общей зоне этажа, подтянув колени к груди. Перед ней лежала раскрытая книга, но она давно не читала. Взгляд был устремлён куда-то за стекло, где мокрые деревья покачивались под редкими порывами ветра.

Рен нашёл её именно там.

Он остановился рядом, несколько секунд молча наблюдая за ней, а затем поставил на подоконник два бумажных стаканчика.

— Ты опять пропустила ужин.

Макото перевела взгляд на кофе.

— Это не ужин.

— Это попытка спасти ситуацию.

Она взяла стакан и обхватила его ладонями. Горячий картон приятно согревал пальцы.

Некоторое время они молчали. Тишина между ними никогда не была неловкой. За последние годы они научились понимать друг друга даже без слов.

За окном проехала машина. Свет фар на мгновение скользнул по потолку и исчез.

— Что думаешь? — наконец спросил Рен.

Макото сразу поняла, о чём речь.

— Не знаю.

— Это не ответ.

Она слабо улыбнулась.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть.

Рен оперся плечом о стену и посмотрел в окно.

— Если это действительно человек из нашего мира...

Он не закончил фразу.

Потому что продолжение они оба знали. Если это действительно человек из их мира, то впервые за долгий год у них появился шанс получить ответы. Но вместе с этим появлялся и другой вопрос.

Имеют ли они право втягивать его во всё это?

— А если он ничего не знает? — тихо произнесла Макото.

Рен нахмурился.

— Мы даже не знаем, кто он.

— Именно.

Она отвела взгляд.

— Мы не знаем, через что он прошёл. Не знаем, чего он лишился. Не знаем, хочет ли он вообще вспоминать прошлое.

В её голосе не было спора. Только усталость. Та самая усталость, которая накапливалась месяцами.

Год назад они мечтали найти хоть кого-то. Теперь, когда такая возможность появилась, Макото впервые испугалась. Потому что любой ответ мог оказаться неправильным.

Рен долго ничего не говорил.

Потом сделал небольшой глоток кофе и спокойно произнёс:

— Мы хотя бы должны попытаться узнать правду, — па-рень отвел взгляд и слегка улыбнулся, — и у меня уже есть

идея как это сделать.

Макото взглянула с любопытством, но раз он просил оставить эту часть на него, то так тому и быть.

Когда Рен ушёл к себе, Макото ещё некоторое время оставалась у окна.

Потом вернулась в комнату.

Эйвери уже сидела за столом, склонившись над конспектами. Настольная лампа освещала половину комнаты мягким золотистым светом. Бронзово-каштановые волосы падали ей на плечи, а рядом лежала целая стопка учебников по анатомии.

Она подняла голову, когда Макото вошла.

— Вы опять разговаривали о чём-то серьёзном?

— Почему ты так решила?

— Потому что после таких разговоров у тебя всегда одинаковое лицо.

Макото остановилась возле своей кровати.

— И какое же?

Эйвери задумалась.

— Будто ты съела лимон.

На секунду Макото даже не нашлась что ответить.

Потом тихо рассмеялась.

— Это самое странное описание, которое я слышала.

— Зато точное.

Эйвери снова вернулась к своим конспектам.

— Кстати, завтра после занятий я иду на репетицию.

— Репетицию?

— Танцевальную. Нас заставляют готовить номер для осеннего фестиваля.

— Заставляют?

— Именно заставляют.

Макото покачала головой.

— Никто тебя не заставляет.

— Ты плохо знаешь мою преподавательницу.

В комнате наконец стало легче.

Именно за такие моменты Макото держалась всё это время.

В другом корпусе общежития Вейрон сидел за своим столом.

Перед ним лежал открытый учебник. Рядом стояла почти пустая кружка кофе. А за окном медленно покачивались ветви деревьев. Он несколько раз перечитал один и тот же абзац, прежде чем понял, что совершенно не запоминает текст.

Мысли постоянно возвращались к странному ощущению, которое он испытал сегодня во дворе. Слишком знакомому. И это раздражало больше всего. Потому что он не мог объяснить его логически. Наконец Вейрон закрыл книгу и подошёл к окну. Ночной кампус выглядел спокойно. И всё же где-то глубоко внутри не покидало чувство, что что-то начинает меняться.

Он не знал что именно, будто сделало первый шаг на-

встречу.

А где-то в соседнем корпусе девушка, которую он видел всего пару раз, в этот момент смотрела на тот же ночной двор и чувствовала ровно то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.